

СТРАТАГЕМАТИКА — НАУКА ТОЧНАЯ

Возможно, самым поразительным
качеством китайцев является —
за неимением другого подходящего слова —
хитрость, лукавство, умение быть себе на уме.

Линь Юйтан¹

В стихотворении М. Ю. Лермонтова «Дума» (1839 г.) есть строки:

Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Никому не нравится быть обманутым². Моральный, а порой, и материальный ущерб запоминается надолго. Причем моральный урон в большинстве случаев переживается сильнее, унижение и разочарование вызывают негативные эмоции³. Обман обычно воспринимается как свидетельство моральной нечистоплотности некоего лица, его хитрости, которая, как утверждал один из наших классиков, всего-навсего «низшее проявление ума». Исключением явился лишь влюбленный поэт, воскликнувший, что он «сам обманываться рад», тем более, когда его герой философски утверждал, что «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Но представьте себе, что вы проиграли партию в шахматы или в шашки, причем, может быть, не одну, а несколько подряд. Вы ведь не заявите, что вас обманули, вы признаете, что противник сильнее вас, он владеет не только правилами игры, но ее сутью, тонкостями, стратегическим видением и тактическими ло-

¹ *Линь Юйтан* (1895—1976) — знаменитый китайский писатель и общественный деятель. Автор книг «Моя страна и мой народ», «Искусство жить», «Мгновенье в Пекине», «И смех, и слезы», «Веселый гений. Жизнеописание Су Дунпо».

² *Обмануть, обманывать* — лгать словом или делом, вводить кого-либо в заблуждение, уверять в небылицы, притворяться, принимать или подавать ложный вид, провести кого-либо, надуть, объехать на кривой, плутовать, мошенничать // *Даль В. II*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., «Универс». 1994. С. 1532.

³ См.: *Далай-Лама, Пол Экман*. Мудрость Востока и Запада. Психология равновесия. СПб., «Питер». 2911. Раздел «Как мы переживаем эмоции». С. 67—110.

вешками. Все это — достоинства игроков высшего класса, гроссмейстеров. Их превосходство вы признаете без обиды.

Теперь, отбросив эмоции, допустим, что в жизни взаимоотношения людей на всех уровнях являются определенными игровыми системами со своими правилами и особенностями. Это не плод нашей фантазии, к этому заключению относительно недавно пришла современная психология. Родились понятия: транзакция — единица общения; процедуры, ритуалы и времяпрепровождения — простейшие формы общественной деятельности. Наконец, было сформулировано определение игр. «Игрой мы называем, — пишет выдающийся американский психолог Эрик Берн, — серию следующих друг за другом скрытых дополнительных транзакций с четко определенным и предсказуемым исходом. Она представляет собой повторяющийся набор порой однообразных транзакций, внешне выглядящих вполне правдоподобно, но обладающих скрытой мотивацией; короче говоря, это серия ходов, содержащих ловушку, какой-то подвох. Игры отличаются от процедур, ритуалов и времяпрепровождений, на наш взгляд, двумя основными характеристиками: 1) скрытыми мотивами; 2) наличием выигрыша. Процедуры бывают успешными, ритуалы эффективными, а времяпрепровождение — выгодным. Но все они по своей сути чистосердечны (не содержат «задней мысли»). Они могут содержать элемент соревнования, но не конфликта, а их исход может быть неожиданным, но никогда — драматичным. Игры, напротив, могут быть нечестными и нередко характеризуются драматичным, а не просто захватывающим исходом»¹.

Блестящие открытия современных психологов страдают одним, отнюдь не умаляющим их значения недостатком: нынешние последователи Карла Юнга и не подозревали, что они описали явление, бывшее в течение тысяч лет достоянием китайской культуры общения. То, что ныне названо «играми», еще за несколько столетий до начала нашей эры было разработано и внедрено в повседневную жизнь в системе ценностей китайской цивилизации. Причем я хочу подчеркнуть, что стратагемность мышления и поведения — а именно это понятие эквивалентно понятию игры — относится к характерным особенностям именно китайской цивилизации, к достижениям ее философской и политической мысли. Этот феномен, внедренный в общественное сознание, с веками, перейдя национальные границы, отразился и на политической и общественной культуре таких восточноазиатских стран, как Япония, Корея, Вьетнам. И только теперь начинают соединяться

¹ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. Пер. с англ. М., «Прогресс». 1988. С. 37.

традиционные китайские научные представления о человеке и его возможностях с данными европейской науки, которые весьма точно отразили суть философии непрямых действий¹, именуемой стратагемным мышлением.

«Стратагемы являлись как бы синтезом результатов оценки ситуации и специфического приема, выработанного теорией для аналогичной обстановки. Содержание стратагемы раскрывалось и осуществлялось на практике через сумму специальных постановлений (императорских указов, распоряжений министерств, докладов от исполнителей). В наибольшей степени понятие стратагемы сходно с понятием алгоритма² в математике³, то есть системы операций, применяемых по строго определенным правилам, которая в результате последовательного их применения приводит к решению поставленной задачи. **Поэтому мы и называем стратагематику наукой точной.** Однако если говорить, например, о дипломатических стратагемах, то можно сказать, что «стратагемность — это своего рода дипломатическое карате: знающий правила, владеющий техникой может победить даже более сильного противника, если точно нанесены удары по его уязвимым местам»⁴.

При этом следует отметить, что «стратагемы существуют у всех народов, однако на Западе нет аналогов такого свода стратагем, который уже в течение почти трех тысячелетий характеризует традиционное китайское мышление. Он представляет собой своего рода зашифрованную таблицу умножения, известную каждому китайцу с детства и во многом организующую его поведение в различных жизненных ситуациях», — этот вывод был сделан нами в середине 90-х годов прошлого века⁵. Как показывает современное состояние науки о стратагемах, он не только не устарел, но, наоборот, постоянно подтверждается другими исследователями.

Это свидетельствует о том, что европейская стратагематика, зародившаяся в Древней Греции, через Рим и Византию просочилась в сознание начала той эпохи раннего Средневековья, в которой она уяла

¹ Гарт Б. А. Стратегия непрямых действий. М., «Эксмо». 2008.

² См.: Крилицкий Н. А., Миронов Г. А., Фролов Г. Д. Программирование и алгоритмические языки. Под. ред. А. А. Дородницына. М., «Наука». 1975. С. 64—65.

³ Мясников В. С. Традиционная китайская дипломатия и реализация Цинской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., ИДВ РАН. 1977. С. 16.

⁴ Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., «Наука». 1980. С. 53. То же, Хабаровск, 1987. Хабаровское книжное издательство. С. 54.

⁵ Мясников В. С. Антология хитроумных планов // Зенесер Х. фон. Стратагемы. «Прогресс». 1995. С. 5—17.

как несовместимая с установлениями христианской религии. Но возникает вопрос: где же, в какой из древних цивилизаций впервые зародились идеи использования особых приемов для достижения успеха в военном деле, дипломатии, в дворцовых переворотах и других сторонах жизни древнего общества? Источники свидетельствуют о том, что история Древнего Китая содержит наиболее обширный круг применения стратагем в политической жизни, вооруженных конфликтах, в общественных делах и в быту¹. И именно китайская историческая и философская традиция подобно глубинному бурению позволяет извлечь на обозрение факты наиболее раннего применения стратагемных уловок².

Человечество с момента его становления было обществом информационным. Ни одну из цивилизаций, бывших в историческом прошлом или существующих ныне, нельзя изучать в отрыве от общечеловеческой цивилизации. Все цивилизации представляют собой варианты развития этой земной цивилизации, выражаясь языком музыки — вариации на тему прогресса человечества. Итак, первое требование — изучать цивилизации системно, то есть как систему цивилизаций, образующих нечто единое целое. Второе методологическое требование — изучать в сравнении³. Достоинства и недостатки, достижения и промахи любой цивилизации легче всего обнаруживаются в сравнении ее с другой, развивавшейся в близких исторических условиях. Кстати, нет «мертвых цивилизаций», как иногда называют египетскую, греческую и ряд других цивилизаций, существовавших еще до нашей эры и не переживших исторические катастрофы. Гибель государств и гибель цивилизаций (их культур) это разные понятия, ибо государства лишь оболочки цивилизаций. Дело в том, что «душа» каждого цивилизационного комплекса, то есть его духовная культура, в тех или иных формах продолжает существовать в современном мире. Вопрос заключается в востребованности нами этих достижений былых цивилизаций. Если древние открытия и наработки в духовной сфере вос-

¹ *Васильев А. С.* Древний Китай. Т. 3. Период Чжаньго (V—III вв. до н. э.). М., «Восточная литература». 2006.

² *Спеишев Н. А.* Китайцы: особенности национальной психологии. СПб. «Каро». 2011. С. 124.

³ Интересный опыт сравнения цивилизаций Китая и Греции провел Франсуа Жюльен (*Жюльен Ф.* Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции. Пер. с фр. В. Лысенко. Моск. Философск. Фонд. 2001). В своем анализе он использовал такие философские понятия, как **смысл** и **значение** (об их интерпретации в различных направлениях философии см. статью А. Ю. Бабайцева под этим же названием// Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 629—630).

требованы, то и цивилизация продолжает жить¹. Даже если ее материальная культура стала добычей времени и, соответственно, археологов. Примером этому служит современное китайское общество, в котором реализуется девиз «поставить древность на службу современности» («и гу вэй цзинь»). В этом смысле цивилизации бессмертны.

Итак, главным синтезирующим элементом любой цивилизации выступает ее духовная культура, и, как производная от этого элемента, ее политическая культура. Квинтэссенцией политической культуры всегда были воинское искусство и дипломатия. При всем многообразии военных и дипломатических школ в любой национальной (или цивилизационной) системе воинского искусства и дипломатии находится нечто (явное или скрытое), что делает ее сильнее оружия. Это особые приемы дипломатической и вооруженной борьбы, когда скрепляются боевые или словесные мечи, когда в выигрыше оказывается тот, у кого в багаже есть секретная заготовка, план, способный привести контрагента в замешательство. Во всемирной истории своим особым воинским искусством и блеском дипломатии выделяются два направления — китайское на Востоке и византийское на Западе. Обе эти школы национальной борьбы в отстаивании на международной арене национальных и государственных интересов широко использовали стратагемы. Через знакомство со стратагемами можно увидеть не просто череду событий, происходивших в Сиани или в Константинополе, но и то, почему они произошли и по какому сценарию развивались.

В эпоху Древнего мира ведение войн при создании великих империй привело к совершенствованию вооружений. Мечи и кольчуги, копья и щиты, наконец, боевые колесницы — все это было на вооружении армий Древнего Египта, Персии, Греции, Рима, Китая. Но кроме развития наступательного и оборонительного оружия должна была совершенствоваться и полководческая мысль. Военачальник должен был всесторонне изучить предстоящего противника, местность, где пройдут боевые действия, особенности климата. И, главное, в результате такого комплексного анализа полководец составлял план каждого из сражений и всей кампании. Разумеется, план был секретным. В нем обязательно должны были содержаться элементы, которые, по мнению его составителя, обеспечивали успех отдельных батальи и всей войны.

¹ Это подтверждают наработки современного востоковедения. В качестве примера можно сослаться на постулат в Предисловии к «Истории Древнего Востока»: «Как показывает история человечества, культуры погибают лишь насильственной смертью, что бывает чрезвычайно редко. Обычно же преемственность в той или иной степени сохраняется, а за гибель культуры часто принимают гибель государства или перемены языка и стиля». *Якобсон В. А.* Предисловие// *История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй.* М., «Восточная литература», 2004. С. 41.

Византийская стратегематика уходит своими корнями в богатейший арсенал военной и дипломатической науки, доставшийся ей от Древней Греции и создававшего империю Рима. Однако, если к стратегии во все времена относились предельно серьезно¹, позволяя шутить по поводу нее лишь в поэзии², то в эллино-римском мире стратегемы использовались, но, «при всей их полезности, не рассматривались ни греками, ни римлянами как разновидность рациональной науки о войне, поскольку связывались не с расчетом, а со случаем»³.

Как само слово «стратегема», так и систематические описания хитростей и уловок со времен Античности появились именно на страницах военных сочинений. В названиях греческих и римских памятников используется транслитерация древнегреческого слова *στρατηγῆμα* — *стратигима* (мн. число *στρατηγῆματα* — *стратигимата*), которое использовал и Фронтин, для остальных случаев используется транслитерация принятого в современных европейских языках слова (*stratagem* — англ., *stratagème* — франц., *stratagem* — нем.), закрепившаяся и в русском языке.

До нашего времени дошло два военных трактата — «Стратегемы» греческого автора II века н. э. Полиэна⁴ и «Стратегемы» римского военного теоретика I века н. э. Секста Юлия Фронтинина. Именно Фронтин и дал первое в Европе определение стратегемы⁵. В Древней Греции и Риме понятия *στρατηγική* (*стратигика*) и *στρατηγῆματα* — (*стратигимата*), ставшие впоследствии названиями разных жанров литературы, были достаточно близки. Как отдельный жанр *στρατηγῆματα* сформирова-

¹ Классическое определение понятия «стратегия» дал прусский фельдмаршал *Август фон Гнейзенау* (1761—1831): «Стратегия есть искусство [использования] пространства и времени. <...> Пространство можно вернуть; потерянное время — никогда». *Zeitschrift für Politik*. München. 1933—1934. Bd.23, p.50.

² *Шота Руставели* с улыбкой заметил: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». // «Витязь в тигровой шкуре». Гл. 24. М., 1953. С. 129.

³ *Перевалов С. М.* Предисловие. // Тактические трактаты Флавия Арриана. Тактическое искусство. Диспозиция против аланов. Текст. Перевод. Комментарий. «Памятники исторической мысли». М., 2010. С. 33.

⁴ Полнен. Стратегемы. Под общ.ред. А. К. Нефедкина. СПб., «Евразия». 2002 (далее: Полнен. Стратегемы).

⁵ «Если найдутся читатели, которым эти свитки придется по сердцу, пусть они имеют в виду, что стратегия и стратегемы, хоть и очень сходны, различаются между собой. Все, что полководец совершает по заранее обдуманному плану, надлежащим образом, со всей официальностью и постоянством, это будет считаться стратегией, а если это лишь по видимости так, то это — стратегематы. Сила этих последних, заключающаяся в искусности и ловкости, полезна и при обороне и при наступлении. Блестящие результаты здесь давали также речи, поэтому мы даем образцы деяний и речей». *Фронтин Секст Юлий*. Стратегемы. Искусство войны: Антология. В 2 кн. Кн. 1. Древний мир. Сост. Р. Светлов. СПб., 2002. С. 118.

лись достаточно поздно, уже после создания стратегик, тактик и полиакретик. Сложную связь понятий *στρατηγική* и *στρατηγήματα* отмечал и Карл фон Клаузевиц: «На первый взгляд кажется правильным, что стратегия получила свое название от хитрости и что при всех действительных и кажущихся переменах, которым подвергалось ведение войны со времен греков, это название все еще указывает на специфическую сущность стратегии»¹.

Полиэн собрал в 8 книгах свыше 900 таких стратагем, которыми пользовались в реальной жизни греческие военные и политики, а также которые упоминались в художественной литературе, в частности в «Одиссее» Гомера. Герои греческой мифологии также являлись для него составителями и пользователями стратагем. Обращаясь к стратагемам Полиэна, мы сразу замечаем их созвучие китайским стратагемам. И не просто обнаруживаем созвучие, а, более того, прямые аналоги. Вот, например, стратагема № 9 «Телемен»:

«Телемен вместе с другими Гераклидами, желая переправиться на Рион, послал локров-перебежчиков сообщить пелопоннесцам, что они стоят на якоре в Навпакте, чтобы казалось, что собираются отплыть к Риону, но их *истинное* желание — отправиться к Истму. Пелопоннесцы, поверив, пошли к Истму. *А войско* во главе с Теменом спокойно завладело Рионом»².

И ознакомимся с китайской стратагемой № 8 из «Трактата 36 стратагем», которая озаглавлена «Для вида чинить деревянные мостки, втайне выступить в Чэньцзан». Ее сущность звучит следующим образом: «Стратагема сокрытия истинного направления». В качестве примера приведем вариант 8.2:

«Дэн Ай (197—264), военачальник государства Вэй, разбил лагерь на северном берегу Белой реки (на северо-востоке нынешнего уезда Сунпань в провинции Сычуань). Через три дня военачальник Цзян Вэй (202—264) из государства Шу приказал своему подчиненному Ляо Хуа вести войско на южный берег той же реки и поставить его напротив лагеря Дэн Ая. Военачальник Дэн Ай сказал своему коменданту: «Если бы Цзян Вэй собирался на нас внезапно напасть, то он осадил бы нас, при том, что мы гораздо слабее его, по обычным правилам военного искусства. Он бы сразу же переправился через реку и напал на нас. Однако мы не видим с его стороны никакого движения. Я думаю,

¹ Клаузевиц К. О войне: пер. с нем. А. Рачинского. — М., Издательская корпорация «Логос», «Наука», 1994. С. 226.

² Полиэн. Стратагемы. Кн. I. № 9. С. 67. Перечень приводимых в трактате Полиэна стратагем, схожих с китайскими или, более того, имеющих китайские аналоги, может быть существенно продолжен.

что Цзян Вэй собирается отрезать нас с тыла вот и поставил Ляо Хуа, только чтобы удерживать нас здесь. Цзян Вэй наверняка направился сейчас с большой армией на восток, чтобы захватить наш опорный пункт, город Таочэн (современный Таоянчэн в провинции Ганьсу).

Той же ночью Дэн Ай приказал своему войску направиться в Таочэн по маленькой тропинке. Действительно Цзян Вэй как раз собирался переправиться через реку, чтобы занять город. Но Дэн Ай подоспел раньше. Так что Таочэн остался в руках Дэн Ая. Вот прием неудачного применения стратагемы № 8, поскольку Дэн Ай сумел ее разгадать. Отклонение Цзян Вэя от обычных военных действий — переправы через реку и нападения на значительно более слабое войско Дэн Ая — было слишком очевидно и навело Дэн Ая на подозрения¹.

Что касается византийцев, то Маврикий в «Стратегеконе» указывал, что «действия на войне подобны охоте. Подобно тому, как успех на охоте достигается больше с помощью выслеживаний, сетей, засад, обманов, облав и других уловок, чем с помощью силы, все это нужно использовать и в войнах, будут ли враги более сильными или более слабыми. Ведь действовать против врагов только в открытую или напролом, даже если победа над ними кажется очевидной, значит связывать исход дела с опасностью и неоправданным ущербом. Поэтому безрассудно добиваться победы, сопряженной с уроном, без большой необходимости, — это приносит лишь призрачную славу»².

Собрание византийских стратагем мы находим в фундаментальном труде Кекавмена «Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века»³.

Как отмечают современные авторы, «стратагемы как особое явление социальной жизни представляют собой очень трудный объект для исследования. Во-первых, уловки и хитрости — это нетипичные, уникальные для своего времени и места мысли и действия, требующие особого искусства и нестандартного подхода к ситуации. В результате применения стратагемы получается, как правило, неожиданный и изумляющий окружающих результат. Как это ни парадоксально, но иногда результат воплощения хорошего плана и колдовство оценивались китайским обществом как явления одного порядка. Такое восприятие стратагем характерно не только для произведений фольклора или литературы, в кото-

¹ *Зенгер Харро фон.* Стратагемы. Т. 1. Перев. А. В. Дыбо. Общ. ред., вступит. статья и комментарии ак. В. С. Мясникова. М., «Эксмо». 2004. С.163.

² *Люттвак Э. Н.* Стратегия Византийской империи. М., Университет Дмитрия Пожарского, 2010. С. 401.

³ *Кекавмен.* Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века. Изд. 2-е, перераб. и доп. Подготовка текста, введение, перевод с греческого и комментарий Г. Г. Литаврина. СПб., «Алетейя», 2003.

рых авторский вымысел и фантазия практически ничем не ограничены. В Китае с именами стратагемщиков ассоциировались не только военные трактаты, но и технологии прогноза погоды, умение предсказывать будущее, воплощенные в различные гадательные практики, системы физиогномики и хиромантии. Начиная с «Истории династии Суй» (589—619 гг.) названия подобных сочинений присутствуют практически во всех библиографических разделах официальных династийных историй. Такая наивная ассоциация, закрепившаяся как в народной, так и в культуре просвещенных слоев общества, демонстрирует признаваемое всеми китайцами редкое умение видеть в различных природных и социальных явлениях скрытое, непроявленное, недоступное обыденному сознанию¹.

Если исследовать стратагемы не только с точки зрения психологических особенностей древнекитайского общества, но и их прикладной эффект, то тогда вступает в действие вторая их особенность. Дело в том, что «применение уловок требует скрытности и секретности. Маскировка истинных целей и дезинформация противника — самые важные условия успешной реализации стратагемы. Исследователю, как правило, доступно только описание конечного результата, зафиксированного фольклорной традицией, эпосом или исторической хроникой. Именно поэтому очень сложно бывает реконструировать процесс мышления, в результате которого создаются успешные стратагемы². Достаточно проблематичным по этим же причинам представляется ана-

¹ Мясников В. С., Завьялова Т. Г. Зарождение основ стратагемного мышления в Китае. // Вестник Новосибирского Государственного университета. Научный журнал. Серия: История, филология. 2012. Том 11, выпуск 10: Востоковедение. С. 130—131.

² Как утверждал Франсуа Жюльен, обращение к литературным описаниям хитрости и хитроумия не позволяет вскрыть глубинных корней этого явления и создать теорию, его объясняющую. «В Греции мы нигде не найдем теории хитрости. Хитрость можно обнаружить только там, где есть игра социальных и интеллектуальных сил; иногда хитроумие становится просто «навязчивой идеей», но ни в одном тексте нет его анализа, нигде не вскрываются его основы и побудительные причины. Вот почему Вернан и Детьен могли изучать хитроумие только на основе мифов и драмы, а там оно всегда предстает «неглубоким», погруженным в практику, и, несмотря на широкое использование «хитростей», природа *metis* не раскрывается (выделено нами. — Т.З. и В.М.) и происки ее не находят оправдания». [Жюльен Ф. Трактат об эффективности/ Пер. с фр. Б.С. Крушняк. М., Университетская книга. 1999, С. 18—19.] Проблема природы военной хитрости и в наше время обладает реальной актуальностью, как для западных, так и для российских исследователей в области военной науки, и не в последнюю очередь по причине отсутствия адекватных задач современной ситуации теоретических обобщений, см: [Лобов В.Н. Военная хитрость М., «Логос». 2001. С. 8—11]; Чжунго лидай цзюньши чжанлюэ. (Военные стратегии Китая в древности). Шан, ся цэ. Бэйцзин. 1986; Грин Р. 33. Стратегии войны. М., «Рипол классик». 2007.

лиз неудачных попыток использования стратагем, такие факты письменные источники практически не фиксируют»¹.

И, наконец, «в-третьих, контекст существования стратагем характеризуется многоуровневыми и разноаспектными конфликтами. Собственно говоря, мотивом для создания и применения стратагемы является социальный конфликт, который невозможно разрешить общепринятыми или силовыми методами. Во многих культурах и обществах применение хитростей и уловок вступает в противоречие с этическими нормами и предписаниями, не всегда считается допустимым или разрешенным действием. В рамках социального конфликта может сформироваться еще один — этический конфликт оценки целей и средств, проявляющийся в необходимости обоснования или оправдания использования уловки»².

Выводом из этой триады методологических особенностей изучения стратагем является то, что «исследователь, реконструирующий стратагемное мышление, сталкивается с тройным сопротивлением исходного материала, обусловленным изначальной атмосферой секретности, в которой создавалась стратагема, мистическим флером ее восприятия в обществе и сомнительным этическим статусом самого факта реализации стратагемы, который ее автор не всегда стремился вынести на обозрение широкой публики. Закономерным следствием таких характеристик исходного материала является простой «коллекционерский» подход к изучению стратагем и стратагемного мышления, в рамках которого стратагемы подбираются в рамках определенного рубрикатора, например «Трактата «36 стратагем», а то и вовсе бессистемно»³.

Вместе с тем, Линь Юйтан увязал применение стратагем с традиционной китайской религией — даосизмом. «В китайской литературе, по-

¹ Мясников В. С., Завьялова Т. Г. Зарождение основ стратагемного мышления в Китае... С. 131.

² Там же.

³ В настоящее время такой подход, к сожалению, является доминирующим в исследованиях, посвященных явлению стратагемности. Тем не менее, у него есть достаточно авторитетные противники. Французский философ Франсуа Жюльен в обосновании источниковедческой базы для «Трактата об эффективности», посвященного специфике этого понятия в Китае, пишет, что «я предпочел оставить за рамками исследования тексты типа «Тридцати шести стратагем» («Сань ши лю цзи») — сборники полезных советов по части военной хитрости. Я сделала это для того, чтобы, с одной стороны, сохранить историческое единство материала (ибо эти сборники относятся к более позднему периоду и лишь повторяют хорошо известные идеи в афористической форме), а с другой стороны, чтобы отмежеваться от той вестернизированной «китайщины», по поводу которой и без меня сказано немало». [Жюльен Ф. Трактат по эффективности./ Пер. с фр. Б.С. Крушняк. М., Университетская книга.1999. С. 9] Мясников В.С., Завьялова Т. Г. Зарождение основ стратагемного мышления в Китае... С. 131

эзии и пословицах, — подчеркивал он, — очень часто отражается <...> даосская философия. Такие выражения, как: «Теряя пешку, выигрываешь партию», «Из 36 стратагем лучшая — это бегство», «Настоящий герой никогда не будет рисковать», «Отступи на шаг в своих мыслях», свидетельствуют о восприятии жизненных проблем, свойственном китайскому складу ума. Жизнь предоставляет много возможностей пересматривать те или иные решения благодаря «36 стратагемам», помогающим сглаживать острые углы, в результате чего человек обретает то подлинное добродушие и степенность, которые олицетворяют китайскую культуру»¹.

Начавшийся в эпоху Великих географических открытий активный контакт различных человеческих цивилизаций продолжается и в наши дни. Европейскую цивилизацию Восток обогатил пряностями и алмазами, шелками и оригинальными философскими системами, фарфором и искусством строить арочные мосты. В течение столетий европейские политики толковали об «отставании» Востока, его «застойности», тем не менее, XVIII век для Парижа, Лондона, Берлина и Петербурга был отмечен устойчивой модой на все китайское. Стиль «шинуазри» в убранстве дворцов и в парковой архитектуре, в живописи и в предметах быта и по сей день мы видим в ансамблях и коллекциях Версаля и Петергофа, Ораниенбаума, Лувра и Потсдама, в собраниях десятков других музеев².

В течение столетий европейцы жадно брали все, что поражало и привлекало их, но, в общем-то, все это лежало на поверхности. Удивительные же свои тайны Восток упорно хранил, для их разгадки требовались время и труд ученых-ориенталистов. Сегодня новые средства коммуникаций уплотнили время. Не только востоковеды, но и европейски высокообразованные представители стран Востока выступают в роли талантливых пропагандистов этнокультурных достижений азиатских цивилизаций, способствуют постижению европейцами особенностей политической культуры восточных обществ. Вопреки предсказаниям Р. Киплинга Восток и Запад сходятся. Более того, Восток ведет наступление на Запад.

Если брать не политический, а социальный уровень, то на наших глазах в Европе и Америке почти поголовное увлечение дзэн-буддизмом, йогой и сексуальными рекомендациями, записанными в Камасутре, естественно перешло в устойчивый интерес к достижениям традиционной китайской медицины, кухни, гимнастике *шу* и системе *цигун*. Этот интерес вылился в широкое занятие китайскими методами

¹ Линь Юйтан. Китайцы, моя страна и мой народ. Перевод с китайского Н. А. Спешнева. М., «Восточная литература». 2010. С. 62.

² См.: Неглинская М. А. Шинуазри в Китае: цинский стиль в китайском искусстве периода трех великих правлений (1662—1795). М., «Спутник». 2012.